

Соб. корреспонденция

21 августа 1986 г. ◆ 6

АКТЕРЫ И РОЛИ

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ЖИЗНЬ!

Михаил Ульянов,

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

Я знаю немало актеров, и актеров превосходных, которые давно и всерьез мечтают сыграть Тевье-молочника. Но так складывается судьба, что их личные планы не совпадают с общими планами театров, где они работают. Я же никогда не мечтал об этой роли, не помышлял о ней, считая, что она вне моих возможностей, не в моих, так сказать, красках. У актеров тоже ведь существует на себя тот или иной взгляд. Иногда он бывает чрезмерно широк, и невольно вспоминается Митенька Карамазов с его широк, широк человек, я бы сузил, а иногда мы, актеры, слишком однобоко к себе относимся, не видя себя в той или иной роли, не рискуя в ней пробоваться. То же самое приблизительно происходило и со мной: я никогда не думал о том, чтобы сыграть Тевье.

Но вот мой сокурсник, товарищ уже многолетний, известный режиссер телевидения Сергей Евлахишвили взялся экранизировать «Тевье-молочника» и предложил мне сыграть главную роль. Я перечитал роман и понял, что отказаться от такой работы было бы глупо, хотя как подойти к ней, с какого бока «подъехать», не представлял.

Роман Шолом-Алейхема по существу рассказ в лицах: каждая глава начинается с письма Тевье-молочника автору, в котором герой повествует об очередном своем злоключении, о том, как он из него вышел и что из случившегося вынес. Какой урок.

Следуя роману, мы решили, что основой основ спектакля тоже будут рассказы Тевье Шолом-Алейхему, а на самом деле зрителю, сидящему от героя в полутора шагах. Буквально протяни руку — и можешь коснуться плеча этого зрителя.

Нам хотелось найти такую доверительную интонацию, какую позволительно иметь только с ближайшим другом, которому рассказываешь нечто такое, что всем рассказывать не будешь. Только другу можно открыть наблевшую душу в надежде на сочувствие или хотя бы понимание. Вот этого мы стремились добиться. Насколько это получилось — судить не нам, я же говорю о путях, которыми мы шли.

«Тевье-молочник» — произведение в высшей степени национальное, но темы, которые в нем затронуты, — отцы и дети, их взаимоотношения — касаются всех и от времени не зависят. Меняется их форма, но суть остается та же. Боль родителей, которых не понимают дети, или страдания детей, идущих своей дорогой, далекой от дороги родителей. Вечные, вечные темы. Они сопряжены с другой, которая тоже ясно прочитывается. Можно спокойно прожить много лет, брюзжа на мелкие болячки, и так и не увидеть жизни во всей ее красоте и радости. И можно прожить тяжкую жизнь, такую, как у Тевье, и тем не менее благословлять ее, потому что, кроме страданий она дает и радость, кроме горести дает счастье, кроме потерь — приобретения.

Благословение жизни такой, какая она есть, независимо от того, как она лично у тебя складывается, и есть одна из главных тем роли. Жизнелюбное, жизнелюбивое, жизнелюбное произведение, и мы надеялись именно эту жизнелюбность передать. Несмотря на страдания и потери, горести и неудачи, непонимание и усталость, несмотря на то что — благословляю жизнь!

Мне кажется, что очень важно и существенно высказать эту мысль по той простой причине, что сегодня очень много брюзжащих людей, которые сами не знают, чего хотят. Не ударив палец о палец, они только требуют и требуют и, по существу, несчастны. Они не находят радости ни в отцовском чувстве, ни в любви к жене, к своему делу, к природе. Их не радует дружба, товарищество, на них нельзя рассчитывать в трудную минуту. Да мало ли еще на свете того, что заставляет примириться с жизнью, как бы она ни была сложна и трудна.

И вот мы начали искать доверительность, жизнелюбие и мудрость, присущие всему творчеству Шолом-Алейхема, его любимому герою Тевье-молочнику. Легко сказать — начали искать, но как это найти? Как войти в доверие к тем, кто сегодня смотрит наш спектакль, и сделать их соучастниками и собеседниками, а не только зрителями? Как найти интонации, которые бы заставили людей приостановиться и вслушаться в простые, бесхитростные рассказы о детях, о свадьбах, о смертях, о потерях, о бедах, о безденежье, о трудах, о хлебе насущном? О вещах невеликих, но из которых складывается каждодневная жизнь.

Кстати сказать, телевидение нередко показывает нам фильмы и спектакли из жизни князей, баронов, графов, маркизов и прочих рыцарей. Почему-то считается, что нам интереснее смотреть на этих необычных, на нас не похожих людей, а не на таких, как мы сами. Но ведь в жизни мы готовы, не отрываясь, слушать хорошего рассказчика, остроумного человека, который ведет речь об обычных, простейших вещах.

Пишет же Виктор Петрович Астафьев о бабуш-

ке, о дяде, о тете, о том, как хлеб месили, как пекли шаньги, как рыбачили. Что тут, казалось бы, интересного? Но секрет заключается в том, как и для чего это рассказано, как увидено. Если талантливо, если правдиво, то и Митрия Петрова можно слушать неотрывно. Вспомните замечательнейший диалог Бабочкина и Константинова в телевизионном фильме «Плотничьи рассказы» по Василию Белову. Какая простая жизнь! И какая прекрасная, интересная жизнь!

Вот и нам казалось, что рассказ о жизни обычной, о ее радостях и горестях может быть интересен только в том случае, если у авторов существует определенная позиция. Эту позицию нам надо было найти.

Во что это вылилось, судить, повторяю, не мне. Но про что я собирался сказать, я знаю. Мне хотелось познакомить зрителей с человеком, который хоть и жил в другое время, в других условиях, но волновался тем же, что и мы. Как заработать на хлеб насущный, как поставить на ноги ребенка, как найти ему верную дорогу и дать все лучшее, чем владеешь сам? Мне хотелось рассказать о человеке, который трудился всю жизнь и заботился о том, чтобы его работа была полезна людям. И на ноги людям он не наступал, но, напротив, подставлял в случае нужды плечо для опоры. На экране должна была возникнуть самая простая, но полная мудрости, терпения и смысла жизнь.

Нам хотелось, чтобы Тевье-молочник был человеком, умудренным горьким, но не сломившим его опытом. Его ирония смела — он прекрасно знает, что объяснить этот мир неспособна никакая святая книга. Его надо принимать таким, каков он есть, во всей его прелести, аромате, счастье и горечи. И в этом великая мудрость. Потому что философы тысячу лет назад, и полтысячи лет назад, и сто лет назад, и сейчас не могут найти эликсира вечной жизни и решения всех проблем. Недаром цитаты, бесконечные ссылки, которые мы слышим от Тевье, не только смешны, но полны смысла. Он презирает невзгоды, приравнявая их к абракадабре цитат.

Наше глубокое уважение вызывает и великодушное этого человека. Люди приносят ему немало горя, дети в том числе, но он их все равно любит. Я имею в виду нормальных людей, не подлецов, не убийц, не жулье, с которыми, естественно, надо бороться. Я говорю об обычных людях — грешных, ошибающихся, порой суеверных, о тех, которые нас окружают в подавляющем-подавляющем большинстве. Тевье-молочник принимает и понимает их. И в этом его огромная, веками, вероятно, выработанная и к нему перешедшая мудрость. Будучи таким же, как все, он становится выше многих. Он не над ними, он с ними, и в то же время он умнее, прозорливее, великодушнее их. Это не всепрощенчество, это убеждение, которое вошло в его плоть и кровь. Простую высоту Тевье чувствуют все, с кем он сталкивается, и невольно отдают ему дань уважения.

Я получил огромное удовольствие от встречи с прекрасной литературой и прекрасным человеком. Как и каждому актеру, мне надоело играть схемы. Схема, как топор, иногда она разрушает очень большие корни, но в ней нет объемности человеческой руки, шершавости, мозолистости этой руки. Тевье-молочник для меня как пожатие доброй, дружеской руки. Она тепла и добра, она может быть сильной, загородить тебя от удара, может помочь тебе. Сознано, что сказанное весьма субъективно, но я воспринимал своего героя именно так.

Большое счастье работать над прекрасным произведением, да еще с хорошими партнерами. Меня окружало много интереснейших людей, и среди них замечательная актриса Галина Волчек. Люди театра знают, что, когда рядом с ними талантливые партнеры, начинаешь играть лучше, точнее. И не только играть — начинаешь чувствовать шире, когда с тобою рядом мастер и профессионал. Работать с Галиной Волчек было необычайно легко: мгновенное предложение сразу находило ответную реакцию, и возникали неожиданные и такие дорогие для искусства решения. Молодые актеры, занятые в спектакле, сыграли свои роли очень славно, но мастерства у них еще нет. Нет второго дыхания, что ли, которое набираешь в определенном уже возрасте, когда не надо бежать, надо только показать, что ты бежишь, не надо усилий, надо только толкнуть в точном месте, и ты свалишь большую гору.

Воздействует ли на актера роль, которую он играет? В буквальном смысле нет, я в такого рода заявления мало верю. Но погружение в прекрасную литературу обогащает. Обогащает хотя бы знанием этой литературы, потому что, работая над произведением, ты его штудируешь глубоко и всесторонне. Не знаю, доставил ли зрителю радость наш спектакль, но для всех, с кем я работал, встреча с «Тевье-молочником» не прошла даром.